

DOI 10.22363/2618-8163-2021-19-3-285-297

Научная статья

Мифонимикон Бунина-поэта: коннотативный аспект

О.А. Селеменова

*Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина,
Российская Федерация, 399770, Елец, ул. Коммунаров, д. 28*

✉ ol.semeneva2011@yandex.ru

Аннотация. Исследуется мифонимикон поэтического наследия И.А. Бунина. Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, возрастающим интересом литературной ономастики к функционированию собственных имен вымышленных объектов в текстах отечественных и зарубежных авторов, а с другой – неизученностью вопросов словообразовательной мотивации, семантики, структуры, роли мифологических имен в прозаических и поэтических текстах И.А. Бунина. Цель работы – проанализировать коннотативный потенциал разноструктурных мифонимов, значимых для художественно-эстетической системы Бунина-поэта. Материалом исследования послужили поэтические тексты 1888–1952 гг. Основные методы: описательный, этимологический, контекстологический, семантический и структурный анализы. Инвентаризация более 700 стихотворных контекстов И.А. Бунина позволила выявить 152 мифонима из различных источников: текстов антропологических, солярных, культовых и других типов мифов народов мира, религиозно-философских учений, произведений фольклора. Выделенные единицы были систематизированы с опорой на четыре классификационных признака: семантика, этимология, структура, частотность употребления. Отмечено, что, выступая ключевыми единицами стихотворных текстов, простые, составные и сложные мифонимы (Алмазная Река, Баба-Яга, Вирь, Митра, Осень, Ра-Озирис, Степная Ночь, Шакал-Анубис и др.) аккумулируют дополнительные коннотативные компоненты. Появление новых комбинаций смыслов, качественное и количественное изменение коннотативного содержания теонимов, мифоперсонимов, мифогидронимов, мифоорнитонимов и прочих групп мифологических имен обеспечивается индивидуально-авторским переосмыслением первоисточников, сложностью мотивационных отношений между производящими единицами и производными, семантическим окружением конкретного мифонима. Мифонимы как единицы ономастического кода стихотворных текстов связаны с ключевыми мотивами, темами, идеями и ценностными оппозициями картины мира Бунина-поэта. К несомненным перспективам можно отнести изучение особенностей мифонимикона бунинской поэзии и прозы посредством инструментария не только лингвистики, но и литературоведения, философии, культурологии.

Ключевые слова: литературная ономастика, поэзия И.А. Бунина, художественно-эстетическая система, мультимифологизм, мифоним, апеллатив, коннотация, смысл

История статьи: поступила в редакцию 17.03.2021; принята к печати 05.05.2021.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Липецкой области в рамках научного проекта № 20-412-480003.

Для цитирования: Селеменова О.А. Мифонимикон Бунина-поэта: коннотативный аспект // Русистика. 2021. Т. 19. № 3. С. 285–297. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-285-297>

Введение

В конце XX – первой четверти XXI века изучение собственных имен вымышленных объектов в художественных текстах отечественных и зарубежных авторов (В.Я. Брюсова, Н. Геймана, Д. Джойса, С.А. Есенина, К. Льюиса, А.С. Петрушевской, А.С. Пушкина, Дж.К. Роулинг, А.А. Фета, М.И. Цветаевой и др.) становится перспективным направлением научных исследований в области литературной ономастики. Это обусловлено тем, что мифонимы являются в любом жанре текста литературно-художественного стиля не только легко верифицируемыми оперативными единицами языка, но и культурными знаками с богатым эстетико-аксиологическим потенциалом и ассоциативными связями, раскрывающими «алгоритм формирования мифопоэтической традиции» (Владимирова, 2020: 161). Будучи помещенными в прозаический или поэтический текст, они выступают теми ключевыми лексемами, которые обеспечивают глобальную связность текста, становятся его символическим ядром, порождая смысловую многоплановость.

Характерной чертой художественно-эстетической системы И.А. Бунина выступает использование мифологических мотивов, сюжетов и образов. Отечественные и зарубежные филологи отмечают присутствие в бунинской лирике и прозе ключевых тем древнейших восточных легенд и притч, архаического, славянского фольклорного кода, ценностно-смысловых идей буддизма, иудаизма, ислама, указывают на религиозно-эстетический синкретизм при поэтизации сакрального (Woodward, 1970; Artz, 1988; Marullo, 1998; Дорохина, 2008; Балановский, 2010; Бердникова, 2012; Саяпова, Каримириаби, 2014; Двинятина, 2015; Dudareva et al., 2019). Нельзя не согласиться с мнением русиста Д.И. Ричардса, указавшего, что именно в Библии и Коране, Талмуде и Санскритских сутрах, греческой и египетской мифологиях И.А. Бунин нашел те чувства, поэтический язык и образность, которые были близки ему по духу (Richards, 1972: 159).

При несомненном интересе литературоведов к мифологическим мотивам и образам художественной картины мира И.А. Бунина с лингвистической точки зрения мифонимикон текстов нобелевского лауреата представляет собой неизученный вопрос. О наличии экзотических имен древних богов и персонажей мифов в бунинских лирических текстах упоминают С.И. Шашкова и С.М. Пронченко (Шашкова, 2009: 343; Пронченко, 2015: 262–263); библионим Рахиль как прецедентное имя в стихотворениях И.А. Бунина и А.А. Ахматовой рассматривает Ю.Н. Гойко (Гойко, 2020: 140–142). Очевидно, что инвентаризация и систематизация мифонимов ни прозаического, ни поэтического наследия И.А. Бунина еще не проведена, не исследован их потенциал как языковых единиц, отражающих самобытность авторского мироощущения.

Цель исследования – рассмотреть философско-аксиологический, художественно-эстетический потенциал значимых разноструктурных мифологических имен в мифонимиконе Бунина-поэта и выявить присущие их семантике коннотативные компоненты.

Поскольку вопросы статуса имен собственных в языке, объема их значения, классификационных признаков, типологии, использования единой терминологической базы при описании фактического материала до сих пор остаются дискуссионными (Суперанская, 1973; McDowell, 1977; Lamping, 1983; Gary-Prieur, 1991; Калинин, 1999; Bright, 2003; Vasiljeva, 2005; Alibec, 2020), считаем целесообразным отметить, что для предмета исследования используем термин «*мифоним*» и представляем его значение как устойчивый комплекс разных типов сем (например, класса «предметность», лексико-грамматические семы «одушевленность», «неодушевленность», гиперсемы «водоем», «божество», «человек», гипосемы «волшебная сила», «покровитель», «старость», «созидательная функция» и др.), среди которых обнаруживаются и коннотативные.

Методы и материалы

Фактическим материалом исследования послужили поэтические тексты И.А. Бунина 1888–1952 гг., включенные в двухтомное собрание сочинений, подготовленное Т.М. Двинятиной в 2014 г. и являющееся полным научным изданием лирики нобелевского лауреата¹. Авторская картотека примеров сформирована на основе первичного анализа более 700 контекстов, из которых методом сплошной выборки было извлечено 152 мифологических имени.

Характер исследуемого материала обусловил использование совокупности парадигмальных и непарадигмальных методов при его обработке: описательного и этимологического методов, а также контекстологического, семантического и структурного анализов.

Результаты

Мифонимикон поэтического наследия И.А. Бунина представляет собой упорядоченную и целостную систему мифологических имен из разных источников: текстов космогонических, антропогонических, солярных, героических и других типов мифов народов мира (древних иранцев, индийцев, египтян, славян, скандинавов и др.), религиозно-философских учений (иудаизма, христианства, ислама, буддизма), фольклора (преимущественно текстов славянских сказок, былин и народных обрядовых песен).

Выделенные мифонимы классифицируются на ряд групп с учетом разных аспектов:

– семантики (мифоантропонимы, теонимы, демононимы, мифоперсонимы, мифозоонимы, мифоорнитонимы, мифофитонимы, мифотопонимы, мифогидронимы, мифохремотонимы и мифохрононимы);

¹ Бунин И.А. Стихотворения : в 2 т. / вступ. ст., сост., подг. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. СПб. : Изд-во Пушкинского дома ; Вита Нова, 2014.

– этимологии (отонимное образование, отапеллятивная единица лексико-семантического способа образования, ономастическое прилагательное, ономастическое причастие);

– структуры (простые мифологические имена, имена-композиции и составные мифонимы);

– частотности употребления в художественных текстах (мифонимы низкой, средней и высокой частотности).

В силу «объемности» своего значения бóльшая часть мифонимов, включаясь в «словесную ткань» одного или нескольких поэтических текстов И.А. Бунина и взаимодействуя со своим семантическим окружением, несут дополнительные смыслы и актуализируют в сознании читателя определенные устойчивые ассоциации.

Обсуждение

В семантике личных имен коннотации выступают тем лингвистическим феноменом, который характеризуется синкретизмом экстралингвистической и интралингвистической природы, включает эмоциональность, экспрессивность, дополнительную информацию, декодируемую носителем языка в зависимости от его возрастного, психического, социального, образовательного уровня (Буштян, 1983: 57). На наш взгляд, коннотации мифонимов – явление структурно более сложное, чем коннотации других групп ономастических единиц. Ведь выступая элементами художественной картины мира, вторичного образования, которое, с одной стороны, отражает картину миру автора-создателя текста, а с другой – национально-специфическую картину мира, мифонимы аккумулируют не только экспрессивные или эмоционально-чувственные значения, но и информационно-исторические, культурно-символические, мировоззренческие.

Ядром мифонимикона Бунина-поэта выступают простые (или однословные) отонимные теонимы – имена богов различных этнокультур: *Сет* (егип. *Sth*, в египетской мифологии бог «чужих стран» (пустыни), убийца Озириса)²; *Нерей* (др.-греч. *Νηρεύς*, в древнегреческой мифологии божество моря, «морской старец»)³; *Перун* (др.-рус. Перунь, в славянской мифологии бог грозы)⁴; *Истара* (аккад. ^dIštar, также ^dEštar, ^dAštar, в аккадских мифах центральное женское божество, главными аспектами которого являются плодородие, любовь, а также война и распри)⁵; *Бальдер* (др.-исл. *Valdr*, в германоскандинавской мифологии юный бог весны и света)⁶ и др. Культурно-символические, эмоционально-оценочные коннотации таких теонимов в поэтических текстах И.А. Бунина обусловлены не только связью продуцируемых образов с сюжетом конкретного мифа, но и индивидуально-авторским

² Мифы народов мира : энциклопедия: в 2 т. Т. 2. К–Я / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Большая российская энциклопедия, 1998. С. 429.

³ Там же. С. 212.

⁴ Там же. С. 307.

⁵ Мифы народов мира : энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–К / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Большая российская энциклопедия, 1998. С. 595.

⁶ Там же. С. 587.

переосмыслением первоисточников с учетом собственной системы взглядов, оценок, представлений о мире и своем месте в нем, отношения к окружающей действительности.

Так, в индоиранском пантеоне обнаруживается такое божество, как *Mitra* (*Мифра*) (от авест. *Miθra*, в буквальном значении ‘договор’, ‘согласие’). Древнейшие сведения о нем фиксируются в собрании священных текстов персов «Авеста», содержащем религиозные догматы зороастризма. В иранской мифологии Митра традиционно ассоциировался с идеей посредничества, обмена, договора, мира, дружбы⁷. Простой по структуре теоним *Mitra*, употребляющийся в бунинском стихотворении «Эльбурс. Иранский миф»⁸, демонстрирует качественную изменчивость коннотативного содержания: реализуются положительные коннотации, связанные не с договорной функцией Митры как устроителя социальной жизни (‘согласие’, ‘симпатия’), а с солярной функцией, которая для авестийской мифологии была вторичной (‘свет’, ‘жизнь’). В индивидуально-авторской концепции теоним *Mitra* воплощает торжество света как источника жизни в бескрайних льдах и органично вписывается в «мифопоэтический концепт И.А. Бунина „красота, совершенство мира как Целого“» (Саяпова, Каримириаби, 2014: 117).

Свидетельством глубокого знания И.А. Буниным мифологических сюжетов и образов разных народов мира выступают теонимы-композиции с широким кругом устойчивых ассоциаций типа *Ра-Озирис*, *Ястреб-Гор*, *Шакал-Анубис* (стихотворения «Ра-Озирис, владыка дня и света...»⁹, «За гробом»¹⁰). Они образованы сложносоставным способом в результате соединения автором двух компонентов, представленных отонимными единицами (*Ра* и *Озирис*) или постпозитивной отонимной единицей (*Гор* и *Анубис*) и препозитивной единицей, восходящей к апеллятиву (*Ястреб* и *Шакал*). Эти составные теонимы отсылают к мифологии Древнего Египта, реконструирующейся на основе «Текстов пирамид», «Книги мертвых», религиозного текста «Амдуат», магических текстов, трудов Геродота и Плутарха и других источников. В мифологической системе египтян, которая начала формироваться еще в 6–4 тыс. до н. э., пантеоны и образы богов имели специфические черты и претерпевали регулярные трансформации¹¹. Сочетание в облике египетских божеств зооморфных и антропоморфных черт отражается в составных теонимах *Ястреб-Гор*, *Шакал-Анубис*, а сближение божественных культов Ра и Озириса – в мифониме *Ра-Озирис*.

Однако Бунин-поэт никогда не стремился к фактологической точности в воспроизведении мифологических сюжетов и образов. Он трансформировал сюжеты и модернизировал образы в соответствии с особенностями собственного мироощущения и миропонимания. Вследствие этого семантика указанных составных производных мифонимов вовсе не тождественна семантике мотивирующих компонентов. Если в древнеегипетских мифах *Ра* –

⁷ Мифы народов мира... Т. 2. С. 154.

⁸ Бунин И.А. Стихотворения... Т. 1. С. 308.

⁹ Там же. С. 311.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ Мифы народов мира... Т. 1. С. 420–421.

олицетворение доброго начала, бог солнца, а *Озирис* – бог мертвых¹², то у И.А. Бунина теонимом *Ра-Озирис* именуется «владыка дня и света»¹³, что свидетельствует о неполном мотивировании составного мифологического имени. Сложность мотивационных отношений между производящими и производным именем способствует увеличению коннотативного потенциала последнего, в частности, реализации смыслов ‘власть времени’, ‘забвение’, ‘разрушение’. Отапеллятивные же компоненты в составных мифологических именах *Ястреб-Гор*, *Шакал-Анубис* обуславливают появление эмоционально-оценочных коннотаций в семантике. Ведь *ястреб* традиционно ассоциируется с небом, полетом и свободой, а *шакал* – со зловонием и смертью.

В целом богатый коннотативный потенциал простых и составных теонимов позволяет Бунину-поэту использовать их в качестве маркеров одной из основных для его художественно-эстетической и философской системы бинарной аксиологической оппозиции «свет – тьма». При этом средством экспликации первого духовного начала выступают мифонимы *Агни*, *Митра*, *Ра-Озирис*, *Пламень*, *Ормузд*, *Бальдер*, *Син*, а второго – *Сет*, *Локи*. С перечисленными мифонимами связаны экзистенциально-онтологические смыслы ряда стихотворений И.А. Бунина: «Ормузд»¹⁴, «Агни»¹⁵, «Эльбурс. Иранский миф»¹⁶, «Ра-Озирис, владыка дня и света...»¹⁷, «Бальдер»¹⁸ и др.

Геккелевским «миксотеизмом» как характерной чертой бунинского мировидения объясняется сосуществование в стихотворных контекстах целого ряда имен из философско-мифологических текстов монотеистических авраамических религий: демоним *Эблис* (араб. إبليس; дьявол)¹⁹; теоним *Иисус Христос* (греч. Ἰησοῦς Χριστός; богочеловек, вмещающий в единстве своей личности всю полноту божественной природы как бог-сын и всю конкретность человеческой природы как иудей)²⁰; мифоантропонимы *Авраам* (др.-евр. אַבְרָהָם, *Avrâhâm*, «отец множества» и др.-греч. Ἀβραάμ; избранник Яхве, родоначальник евреев)²¹, *Агарь* (ивр. חַגָּר, *Хагар*, т.е. «странница»; рабыня-египтянка, являвшаяся наложницей Авраама)²², *Исаак* (др.-евр. יִצְחָק, букв. «будет смеяться»; сын Авраама и Сары, отец Иакова)²³ и мн. др. Концентрированность значений подобных мифонимов обеспечивает не только диалог бунинских поэтических текстов с текстами разных эпох и культур, но и появление новых комбинаций смыслов внутри индивидуально-авторской художественной системы. Например, образ Рахили как праматери всего дома Израилева традиционно выступал для иудеев «символом высокой любви» и

¹² Мифы народов мира... Т. 2. С. 267, 358.

¹³ Бунин И.А. Стихотворения... Т. 1. С. 311.

¹⁴ Там же. С. 283.

¹⁵ Там же. С. 307.

¹⁶ Там же. С. 308.

¹⁷ Там же. С. 311.

¹⁸ Там же. Т. 2. С. 14.

¹⁹ Мифы народов мира... Т. 1. С. 477.

²⁰ Там же. С. 490.

²¹ Там же. С. 25.

²² Там же. Т. 2. С. 33.

²³ Там же. Т. 1. С. 566.

воплощенной молитвы, а имя Рахиль было не только сладчайшим именем возлюбленной, но и именем родной страны (Гойко, 2020: 140–141). В стихотворных контекстах поэта-эмигранта мифоантропоним *Рахиль* приобретает особое звучание за счет таких смысловых приращений, как ‘тоска’ и ‘надежда’ (стихотворение «Гробница Рахили»²⁴).

Через призму многочисленных мифологических имен из Библии и Корана (*Авраам, Агарь, Адам, Великий Трон* (Трон Аллаха), *Гавриил, Джиннат, Иаков, Иеремия, Израфил, Иса, Иоанн, Исаак, Каин, Ковсерь, Сакар, Сарра, Язве* и др.) осмысляются ключевые для творчества Бунина-поэта темы и проблемы: ценность «потока бытия», его трагичность и духовность, всеобщее человеческое родство, краткосрочность жизни, наличие в человеке негнеленного начала.

Заметную группу в поэтических текстах И.А. Бунина составляют мифоперсонимы, к которым относим два типа мифологических имен: 1) персонажей восточнославянской мифологии и фольклора (*Баба-Яга, Кощей*); 2) контекстуальные имена с семой ‘лицо’ (*Мороз, Смерть, Весна, Осень, Ночь, Любовь* и др.), образовавшиеся лексико-семантическим способом посредством онимизации апеллативов и в результате продуктивности механизма антропоморфной метафоризации.

Обращаясь к распространенным образам из славянских сказок (первый тип), И.А. Бунин наполняет их новым содержанием, что влияет на коннотативный компонент семантики соответствующего мифонима. Так, составной мифоперсоним *Баба-Яга* используется в заглавии стихотворения «Баба-Яга»²⁵. Этимология мифоперсонима, очевидно, отонимная: как отмечает Е.И. Алещенко, он восходит к именам славянского божества (*Баба*) и привратницы в мире мертвых (*Яга*) (Алещенко, 2008: 90). Традиционно образ Бабы-Яги является амбивалентным, получающим отрицательную или положительную оценку в зависимости от развития сказочного сюжета: с одной стороны, она людоедка, которая «опасна для человека», с другой – «дарительница, помощница доброго героя» (Алещенко, 2008: 91). У И.А. Бунина мифоперсоним *Баба-Яга* несет особые коннотации, совсем не связанные ни с ее злостными деяниями, ни с охранительными функциями. Ведь с хорошо знакомыми читателям мифологическими сюжетами бунинскую Бабу-Ягу роднит только то, что она живет в лесу, в холодном срубе и вот уже как «десять сот годов» бережет ларец с Кошечей смертью²⁶. Баба-Яга Бунина-поэта предстает не в образе зловещей колдуньи или помощницы-дарительницы, а глубоко одинокой старухи, изнеможенной и безмерно страдающей. Безысходность ситуации подчеркивается и использованием в контексте стихотворения «Баба-Яга» возвратной формы непереходного глагола *изболеться*, указывающего на предел проявления состояния мучения, императива *не смей*, налагающего запрет на действия по глаголам *топить* и *вздуть*, трансформированного фразеологизма *черт велел* (вместо *черт дернул*), синекдохического замещения мифонима лексемой *шлык*, служащей для «образной номи-

²⁴ Бунин И.А. Стихотворения... Т. 2. С. 55.

²⁵ Там же. С. 43.

²⁶ Там же. С. 43–44.

нации героини» и связанной с представлением о смирении (Бородина, 2019: 62). Поэтому мифоперсоним Баба-Яга полон трагических коннотаций: ‘одиночество’, ‘безнадежность’, ‘страдание’, ‘тоска’.

Богаты на различные коннотации и контекстуальные простые (однословные) мифоперсонимы второго типа. Например, *Ночь* – это простой отапельлятивный мифоперсоним, происходящий от нарицательного существительного *ночь*. В традиционной картине мира восточных славян *ночь* воспринималась как «маркированное время суток, связанное с наибольшим числом предписаний и запретов» (Толстая, 2011: 163), и, соответственно, значение лексемы *ночь* включало отрицательные коннотации типа ‘опасность’, ‘зло’, ‘вред’, ‘тьма’, ‘смерть’. В бунинских стихотворениях «Сумерки»²⁷, «Склон гор»²⁸, «Взойди, о Ночь, на горный свой престол...»²⁹ отапельлятивным мифоперсонимом *Ночь* именуется могущественное существо женского пола, сидящее на горнем престоле и обладающее целительной силой. Мифоним *Ночь* в индивидуально-авторской языковой картине мира приобретает положительные коннотации ‘исцеление’, ‘покой’, ‘величие’, совершенно не свойственные славянской мифологии и аксиологии времени. Очевидно, что здесь прослеживается влияние христианских религиозно-философских мотивов, благодаря которым персонифицируемый образ ассоциируется с одной из «бытийных констант первотворения», сохраняющей память о Творце, со «временем самопознания и Богопознания» (Бердникова, 2012: 318).

Особое значение приобретает в художественной системе Бунина-поэта контекстуальный отапельлятивный мифоперсоним *Осень*, функционирующий в качестве ключевой единицы в поэме «Листопад»³⁰, в стихотворении «Тайно шумит лесная тишина...»³¹. Образ Осени-вдовы, восходящий к фольклорным славянским традициям (Усманова, 2014: 150), у И.А. Бунина приобретает конкретные черты: «бледное лицо», «горностаевый шугай»³². За счет этого подчеркивается не только «русскость» Осени, но и высокое социальное положение, подлинное благородство персонажа-инициатора ежегодных изменений в природе. Семантическое окружение мифоперсонима *Осень* – слова категории состояния и глаголы со значением эмоций, физического состояния природы, ментальной и речевой деятельности, действия-движения, лексика слухового, зрительного, осязательного восприятия, словосочетания, соединяющие разные чувственные образы или перцептивные впечатления и эмоции (*блеск, бродить, грустить, желтый, затаить, знает, жутко, молчанье, морозное серебро, поет, пурпурный, пустынная тишина, угрюмо темнеет, янтарный, оцепененье, холодный дым, угрюмо выть, морозный пожар* и др.), – актуализирует такие коннотации контекстуального имени, как ‘совершенная красота’, ‘мимолетность’, ‘печаль’, ‘воспоминание’, ‘одиночество’. Так мифоперсоним *Осень* органично включается в круг

²⁷ Бунин И.А. Стихотворения... Т. 1. С. 203.

²⁸ Там же. С. 294.

²⁹ Там же. Т. 2. С. 108.

³⁰ Там же. Т. 1. С. 189.

³¹ Там же. С. 183.

³² Там же. С. 192.

языковых средств, эксплицирующих бунинскую эстетико-философскую концепцию ценности и неповторимости каждого мгновения жизни природы и человека.

В художественной системе Бунина-поэта существуют и особые индивидуально-авторские имена, используемые мастером слова для конструирования собственной мифологической системы и имеющие весьма далекие связи с известными сюжетами. Такой единицей выступает мифоорнитоним *Вирь*. Это имя служит обозначением фантастической птицы, которая живет в мрачном еловом лесу (стихотворение «Вирь»³³). Этимология имени в русском языке затемнена: поиск соответствий в Толковых словарях и словарной базе «Национальный корпус русского языка» не дает результатов. Однако предполагаемая Т.М. Двинятиной связь птицы Вирь «с персонажем мордовской мифологии Вирь-авой»³⁴ позволяет возвести анализируемый мифоперсоним к апеллятиву *вирь*, фиксирующемуся в мокшанском и эрзянском языках со значением ‘лес’ (ср.: *ви'рне* – ‘лесок’, *ви'рю* – ‘лесистый’, *вирьбу'ла* – ‘окрайна леса’³⁵).

Т.М. Павлюченкова отмечает отрицательные коннотации лексемы *Вирь*, ссылаясь на использование «компонента *-аспидный* в оригинальном авторском словосложении» (Павлюченкова, 2011: 54). Ср.: *Ее убор / Весь серо-аспидного цвета, / Головка в хохолке, а взор / Исполнен скорбного привета*³⁶. На наш взгляд, экспрессивные, эмоционально-оценочные коннотации мифоорнитонима *Вирь* разнообразнее отмеченной исследователем отрицательной коннотации, поскольку сам образ сладкоголосой птицы сложен и неоднозначен. Полагаем, что он у писателя-эстета испытал не столько влияние мордовской мифологии (уже упомянутый выше образ Вирь-авы, букв. «лесная женщина»), сколько совокупности других источников: греческой мифологии, русских духовных стихов и даже картин представителя «неорусского стиля» В.М. Васнецова, в частности оригинальной интерпретации в 1896 г. традиционного сюжета – изображения сладкоголосых птиц Сирина и Алконоста как светлой и темной сторон бытия. Бунинская птица аккумулирует в себе черты литературно-мифологических и живописных образов Алконоста и Сирина. От васнецовского Алконоста – серо-аспидное оперение, скорбный взор, хохолок, похожий на корону, венчавшую голову птицы-девы художника, а от Сирина из греческих мифов и русских духовных стихов – нежное пение, полное скорбной силы, но этим и очаровывающее путников, манящее, увлекающее их в темный мрак леса и губящее там. Тем самым коннотативное содержание мифоорнитонима включает элементы ‘быстротечность’, ‘покорность’, ‘одиночество’, ‘скорбная красота’, ‘страдание’. Несмотря на то, что анализируемая лексическая единица функционирует лишь в одном стихотворении «Вирь», она наряду с другими мифоорнитонимами

³³ Бунин И.А. Стихотворения... Т. 1. С. 194.

³⁴ Там же. С. 476.

³⁵ Коляденков М.Н., Цыганов Н.Ф. Эрзянско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. С. 53–54; Щанкина В.И. Мокшень-рузонь валкс: русско-мокшанский словарь. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1993. С. 29.

³⁶ Бунин И.А. Стихотворения... Т. 1. С. 194.

(ворон Хугин, Жар-Птица) становится полноценным средством выражения «орнитологического мифа» бунинской прозы и поэзии, связанного с мотивами памяти и одиночества, идеей предопределенности судьбы, единства мига и вечности, нетленности красоты и сладости страдания.

Расширение традиционных представлений о ключевых образах мифологических сюжетов, библейских, коранических преданий, фольклорных текстов, осуществляемое И.А. Буниным, способствует существенным количественным и качественным изменениям коннотативного содержания мифонимов. Особенно показательны в этом плане составные единицы, построенные по модели «слово (имя прилагательное, редко – причастие) + слово (существительное)». Будучи структурно одинаковыми, они принадлежат к различным семантическим типам: *Алмазная Река* (мифогидроним), *Степная Ночь* (мифоперсоним), *Белый Олень* (мифозооним), *Великий Трон* (мифохремотоним), *Воскресший Свет* (теоним), *Судный день* (мифохороним), *Пустынный Ангел* (демоним) и др. Подобные онимные единицы оказываются как воспроизводимыми, так и продуцируемыми художественно-эстетической системой Бунина-поэта. В качестве примера рассмотрим коннотативный потенциал мифоперсонима *Степная Ночь* и мифогидронима *Алмазная Река*.

В стихотворении И.А. Бунина «Могилы, ветряки, дороги и курганы...» контекстуальным мифоперсонимом *Степная Ночь* именуется сущность женского пола с загадочно-унылым взором, полным «великой кроткости и думы вековой»³⁷. Используемые при мифониме или его субституенте (*она*) имена прилагательные со значением эмоционального состояния одушевленного субъекта (*грустна, одинока*), глаголы движения и восприятия (*идет, слушает*), качественные наречия (*задумчиво*) способствуют конкретизации образа. К содержательным приращениям семантики анализируемого мифоперсонима относим 'спокойствие', 'память', 'вневременность'. Мифоперсоним *Степная Ночь* – одно из языковых средств выражения в художественной картине мира Бунина-поэта эпического мотива степи, равнинного пространства и простора, всегда вызывающего в душе путника глубокие переживания.

Двухсловный мифогидроним *Алмазная Река*, фигурирующий в стихотворении «Ночь Аль-Кадра», отсылает к кораническим текстам – к образу небесной реки, «воды жизни», которая своим истоком имеет престол Аллаха: *Перед Великим Троном / Уже течет, дымясь, Алмазная Река*³⁸. Каждая из единиц, входящая в структуру мифонима, вносит вклад в реализацию коннотативного потенциала имени. Прилагательное *алмазный*, имеющее производящей базой лексему *алмаз*, которая обозначает самый твердый природный минерал, и апеллятив *река*, называющий водный поток, перемещающийся в естественном русле, обеспечивают появление следующих коннотаций: 'постоянство', 'несокрушимость'. Так в бунинской эстетико-философской системе рассматриваемый мифогидроним становится символом вечности и средством экспликации вечных проблем бытия, когнитивной оппозиции «жизнь – смерть».

³⁷ Бунин И.А. Стихотворения... Т. 1. С. 162.

³⁸ Там же. Т. 2. С. 8.

Заключение

Постоянная жажда открытий, неиссякаемый интерес к языкам, истории, культуре других стран и народов обусловили мультимифологизм творческого наследия И.А. Бунина. В поэтических текстах автора обнаруживается разветвленная система мифологических имен из мусульманской, иудаистической, христианской, буддийской религиозно-философской литературы, германо-скандинавской, древнегреческой, иранской, древнеегипетской, шумеро-аккадской мифологических систем, славянского былинного эпоса, волшебных сказок и других источников.

Система мифологических имен И.А. Бунина органически вписывается в контекст эстетико-философских воззрений писателя, его уникальную философию жизни, в которой доминировал не интеллектуально-логический, а эмоциональный подход. Выступая единицами ономастического кода художественных текстов, разноструктурные мифонимы оказываются связанными с ключевыми мотивами и темами, архетипическими образами и аксиологическими оппозициями Бунина-поэта.

Появление новых комбинаций смыслов, качественное и количественное изменение коннотативного содержания мифонимов различных групп (теонимов, мифоперсонимов, мифогидронимов, мифоорнитонимов и др.) обеспечивается индивидуально-авторским переосмыслением первоисточников и контаминаций традиционных сюжетов, сложностью мотивационных отношений между производящими единицами и производными, семантическим окружением конкретного мифонима.

Рассмотрен коннотативный потенциал лишь нескольких значимых для художественно-эстетической системы И.А. Бунина мифонимов: *Митра*, *Ра-Озирис*, *Шакал-Анубис*, *Осень*, *Баба-Яга*, *Алмазная Река*, *Степная Ночь*, *Вирь* и некоторых других. Реконструкция мифонимикона поэтических и прозаических текстов нобелевского лауреата в полном объеме и одновременное исследование его инструментарием лингвистики, литературоведения, культурологии, философии – дело будущего. Разноаспектный анализ мифонимов (безусловно, не только коннотативного аспекта) позволит выявить еще не одну особенность стиля, художнического почерка и мирозерцания И.А. Бунина.

Список литературы

- Алеценко Е.И. Мифоним *Баба-яга* в русских народных сказках // Русский язык в школе. 2008. № 4. С. 90–93.
- Балановский Р.М. Художественное мирозерцание раннего И.А. Бунина (поэзия конца 1880–1890-х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. 2010. № 4. С. 15–22.
- Бердникова О.А. Реминисценции, цитаты и мотивы Псалтири в творчестве И.А. Бунина // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 315–327.
- Бородина Н.А. Фольклорный образ Бабы-Яги и его художественная интерпретация И.А. Буниным (на материале стихотворений «Баба-Яга» и «Русская сказка») // 80-летие елецкой филологии : материалы Международной научной конференции. Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2019. С. 60–63.
- Буштян Л.М. Ономастическая коннотация : на материале русской и советской поэзии : дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1983. 218 с.

- Владимирова Т.Е.* Семантический континуум мифа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 161–174. doi:10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174.
- Гойко Ю.Н.* Библионимы как знаки интертекстуальности : особенности функционирования в поэтическом тексте // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2020. № 7. С. 137–146.
- Двинытина Т.М.* Поэзия И.А. Бунина : эволюция, поэтика, текстология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2015. 47 с.
- Дорохина В.Г.* Темы, мотивы, образы, сюжеты Корана в лирике И.А. Бунина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 2 (26). С. 164–167.
- Калинкин В.М.* Поэтика онима. Донецк : Юго-Восток, 1999. 408 с.
- Павлюченкова Т.А.* Мастерство Бунина-поэта // Русский язык в школе. 2011. № 7. С. 52–55.
- Пронченко С.М.* Имена собственные в стихотворениях И.А. Бунина : системный подход (к 145-летию со дня рождения писателя) // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 260–267.
- Саянова А.М., Каримириаби Э.* Иранская мифология в художественном мире И.А. Бунина // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 2. С. 115–120.
- Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973. 367 с.
- Толстая С.М.* Семантические категории языка культуры : очерки по славянской этнолингвистике. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 368 с.
- Усманова Л.А.* Ассоциативно-образная интерпретация номинативов, обозначающих природное время в поэзии Серебряного века // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2014. Вып. 5 (133). С. 148–155.
- Шашкова С.И.* О некоторых нетипичных признаках индивидуального стиля И.А. Бунина // И.А. Бунин и русский мир : материалы Всероссийской научной конференции. Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2009. С. 339–343.
- Alibec C.* Proper names' semantics // The Dialogue of Multicultural Discourses. Tîrgu Mureş : Arhipelag XXI Press, 2020. Pp. 63–68.
- Artz M.* A Biblical motif in Ivan Bunin's stories written between 1916 and 1925 // Studies in Slavic Literature and Poetics. Dutch Contributions to the Tenth International Congress of Slavists (Sofia, September 14–22, 1988) / ed. by J.J. van Baak, R. Grübel, A.G.F. van Holk, W.G. Weststeijn. Amsterdam : Rodopi, 1988. Pp. 1–18.
- Bright W.* What is a name? Reflections on onomastics // Language and Linguistics. 2003. No 4 (4). Pp. 669–681.
- Dudareva M.A., Smirnova S.V., Budnichenko L.A., Vakku L.G.* Bunin I.A. and folklore : ontological in poetics // Amazonia Investiga. 2019. Vol. 8. No. 22. Pp. 129–134.
- Gary-Prieur M.-N.* Le nom propre constitue-t-il une catégorie linguistique? // Langue Française. 1991. No 92. Pp. 4–25.
- Lamping D.* Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. Bonn : Bouvier, 1983. 135 p.
- Marullo T.G.* If you see the Buddha : studies in the fiction of Ivan Bunin. Evanston : Northwestern University Press, 1998. 208 p.
- McDowell J.* On the sense and reference of a proper name // Mind. New Series. 1977. Vol. 86. No. 3. Pp. 159–185.
- Richards D.I.* Bunin's conception of the meaning of life // The Slavonic and East European Review. 1972. Vol. 50. No 119. Pp. 153–172.
- Vasiljeva N.* Literarische Onomastik in Russland : Versuch eines Portraits // Onoma. 2005. Vol. 40. Pp. 373–395.
- Woodward J.B.* Eros and nirvana in the art of Bunin // The Modern Language Review. 1970. Vol. 65. Issue 3. Pp. 576–586.

Сведения об авторе:

Селеменова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина. *Сфера научных интересов:* когнитивный синтаксис, медиалингвистика, литературная ономастика. Автор более 180 научных публикаций. E-mail: ol.selemeneva2011@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2021-19-3-285-297

Research article

**I.A. Bunin's poetic mythonymicon:
connotative aspect**

Olga A. Selemeneva

*Bunin Yelets State University,
28 Kommunarov St, Yelets, 399770, Russian Federation*

✉ ol.selemeneva2011@yandex.ru

Abstract. The article studies the system of mythological names in I.A. Bunin's poetic heritage. The relevance of the topic is due to the unexplored problems of word-formation motivation, semantics, structure, and the role of mythological names in I.A. Bunin's prose and poetic texts. The aim of the paper is to analyze the connotative potential of different-structured mythological names which are significant for the artistic system of I.A. Bunin. The actual material of the study contains I.A. Bunin's poetic texts written in 1888–1952. The main research methods are descriptive, etymological, contextual, semantic methods, and structural analysis. The inventory of more than 700 poetic contexts of I.A. Bunin made it possible to identify 152 mythological names from various sources. The selected units were systematized on four features: semantics, etymology, structure, and frequency of use. The analysis of the connotative potential of some simple, composite and complex mythological names allowed to come to the conclusion that they accumulate additional emotional-evaluative, symbolic meanings. New combinations of meanings, qualitative and quantitative changes in the connotative content of mythological names are provided by the individual author's reinterpretation of primary sources, the complexity of motivational relations between producing units and derivatives, and the semantic environment of a particular unit. Mythological names are associated with the key motifs, themes, ideas, and value oppositions of I.A. Bunin's picture of the world. The study of the features of the system of I.A. Bunin's mythological names with the tools of linguistics and literary studies, philosophy, and cultural studies is one of the undoubted prospects of research.

Keywords: literary onomastics, I.A. Bunin's poetry, artistic and aesthetic system, multi-mythologism, mythological name, appellative, connotation, meaning

Article history: received 17.03.2021; accepted 05.05.2021.

Acknowledgments: The research was funded by RFBR and Lipetsk Region, project number 20-412-480003.

For citation: Selemeneva, O.A. (2021). I.A. Bunin's poetic mythonymicon: Connotative aspect. *Russian Language Studies*, 19(3), 285–297. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-285-297>